

МАЛЕНЬКИЙ, шагов в десять поперек, переулком разделяет два завода. У одного входа висит вывеска: «Министерство нефтяной промышленности СССР. Завод «Борец». У другого — «Министерство станкостроительной и инструментальной промышленности СССР. Завод «Станколит». Скоро эти вывески будут заменены другими. Что же изменится на заводах после этого?

Наивно было бы полагать, что уже сейчас можно получить исчерпывающий ответ на этот вопрос. Прошло лишь несколько дней после седьмой сессии Верховного Совета СССР, определяющей пути перестройки и дальнейшего совершенствования управления промышленностью. И понятно, что за такой срок в жизни заводов еще не могли произойти какие-то перемены: руководят ими еще те же министерства, и все как будто бы так и идет по-старому.

Как будто бы по-старому, но это не совсем так. Решения сессии всколыхнули жизнь заводских коллективов, новые веяния как бы пропали свежим ветерком по цехам, побудили людей внимательно осмотреться вокруг, задуматься над тем, что хорошо и что плохо, пометать о будущем, поразмыслить о судьбе своего завода, для которого начинается новая и, несомненно, лучшая эра.

Ведомственные скорлупки уже не мешают широкому обзору, люди как бы сбрасывают их с себя и уже более свободно, по-государственному мыслят о своих производственных делах. И не зря мы вначале упомянули о маленьком переулке, разделявшем эти два завода. Как-то сразу всем стало ясно, что он действительно очень маленький, перешагнуть его для дружеской и деловой встречи с соседом совсем нетрудно, тогда как недавно он был почти непреодолимой полосой отчуждения. Но вот уже в этом переулке первой ласточкой пролетела отчаянная весточка: недавно оба завода решили сообща, складывая продолжить для себя газопровод. И в этом хочется видеть примет времени: крепнет чувство локтя.

Позакомимся и побеседуем с директорами этих предприятий. Сергей Андреевич Герасимов — директор завода «Борец», Петр Федорович Кушелев — директор завода «Станколит». Каким они представляют себе будущее своих заводов, чего они ждут от осуществляемой ныне перестройки?

Говоря о «полосе отчуждения», которая видна из окна кабинета директора «Станколита», как на ладошке, рассказываем Петру Федоровичу анекдотический случай, который произошел, правда, не здесь.

На берегу реки стояли два завода, и во время половодья им угрожало затопление. На складах одного завода было водостель теса, и там соорудили из теса и земли прочный водонепроницаемый вал, а на складах другого завода теса не было, и вода угрожала хлынуть на заводскую территорию.

— Одолжи, друг, тесу, — умолял директор Несчастливцев директора Стахилинцев.

— И рад бы, друг, да не могу, — развел руками Стахилинцев, — ты же не нашего ведомства! Написки своему начальнику, глава, он похлопочет перед своим министром, тот обратится к хохлатому министру, а наш министр — что ж он, без сердца, что ли? Найдет моему начальнику главу, мой начальник даст мне распоряжение, а за мной дело не станет.

— Да ведь я утону в том времени, право, утону! Помилосердуйте!

Долго думал Стахилинцев и наконец решился:

— Ладно. Грабь меша!

— То есть, как это?

— А так. Грабь! Я сниму охрану со склада, а ты тащи к тесу теса. А я буду за тебя не знаю... Ну, а если не отащишь, поймаешь под суд за воровство.

Взагодичный Несчастливцев обнял Стахилинцев, и стихия совместными усилиями была укрощена.

Петр Федорович улыбается:

— Ну, это анекдот, разумеется. А ведомственные заборы, конечно, перешагнуть было нелегко. И рад бы помочь соседу, да не имею на это права. И все же наречка на свой страх и риск мы соседу помогли. Но только очень изредка! Сейчас, видимо, мы установим более тесную дружбу с нашим соседом и в производстве, и в складском хозяйстве. Об этом мы думаем. Не нельзя забыть, что завод наш специализированный, он отливает детали для станков и другие вака-

А. ВЕЛИЧКО

В 1917 году...

РИГА. (Нам корр.). Много интересных исторических эпизодов, подчас забытых, воскрешают страницы сборника материалов и документов, готовящегося Институтом истории партии при ЦК КП Латвии (филиал Института марксизма-ленинизма). Они рассказывают о подготовке и проведении Октябрьской революции в Латвии. Некоторые из этих документов не публиковались с 1917 года.

Вот один из документов, появившийся в газетах того времени, — телеграмма латвийских стрелков Ленину. Как известно, в Латвии раньше, чем во многих других областях России, Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов стали на сторону большевиков. Уже 17 мая 1917 года Объединенный Совет латвийских стрелковых полков обсудил и принял две телеграммы. Одна из них была направлена непосредственно В. И. Ленину:

«Мы приветствуем Вас, великого тактика пролетариата России, вождя подлинно революционной борьбы, выразителя наших дум, и желаем видеть Вас в нашей среде».

Вторая телеграмма адресована «Правде»: «Мы приветствуем тебя, «Правда», как центральный орган РСДРП, как правдивого выразителя дум рабочего движения, который выше всего держит знамя револю-

ционной социал-демократии в борьбе против шовинизма. Честь и слава тебе!»

Узнав от Петра Стучки о решении Объединенного Совета латвийских стрелков, Владимир Ильич поручил ему написать статью о латвийских стрелках. Эта статья появилась впоследствии в «Правде».

В сборнике рассказывается об одном из главных подвигов латвийских стрелков. На революционные войска XII армии, в которую входили латвийские стрелковые полки, была возложена задача — не пропустить в Петроград чехи, верные Временному правительству. Этот приказ латвийские стрелки выполняли с честью. Они заняли все железнодорожные узлы, и ни одна воинская часть не была пропущена в Петроград.

Сотрудники института работают и над рядом других изданий, посвященных истории революции и в Коммунистической партии Латвии. Будут издавать избранные статьи выдающегося революционера и советского государственного деятеля П. Стучки, входившие в первое советское правительство, возглавленное В. И. Лениным.

Большая работа ведется над подготовкой воспоминаний участников Великой Октябрьской социалистической революции и о встречах с В. И. Лениным. К этой работе привлечены многие старые коммунисты.

Два миллиона томов зарубежной литературы

— Мы не стремимся к соборанию библиографических редкостей. Наша задача — показать советскому читателю с сегодняшним днем зарубежную литературу, — так определила задачу Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы заместитель директора З. Шаверина.

Библиотека не отменяла 35-летие своего существования. Она является крупнейшей в нашей стране каталогизированной иностранной литературы — на ее полках два миллиона томов иностранной литературы и периодики на 62 языках. Особенно полно представлена современная литература Запада и Востока. Достаточно сказать, что из 54 тысяч изданий, полученных библиотекой в этом году, подавляющая часть — произведения современных писателей.

Но бывает и так, что читатели не находят в библиотеке нужных им произведений. Тогда вступает в силу международный абонемент. Библиотека связана с различными организациями тридцати девяти стран, среди которых такие крупнейшие книгохранилища, как Парижская национальная библиотека, библиотека Британского музея, Государственная библиотека в Пекине и другие.

При библиотеке активно существует сеть кружков немецкого и английского и французского языков. Интересно отметить, что Первый московский педагогический институт иностранных языков зародился когда-то в стенах этой библиотеки, на базе ее кружков.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 61 (3717)

Среда, 22 мая 1957 г.

Цена 40 коп.

Чувство локтя

Мы нам мешают. Мы ведь снабжаем литьем почти все станкостроительные заводы нашей страны. Это нам твердо определившийся профиль, наша, так сказать, квалификация, и дисквалифицироваться мы не хотим. И я хочу высказать в связи с этим свое пожелание: надо не то что бы ни стало сохранить лицо завода. Над этим надо подумать работникам создаваемого сейчас совнархоза. Очевидно, мы потеряем многих наших старых заказчиков, расположенных от нас за тридевять земель, — и это хорошо! — но нас нужно обеспечить новыми связями, непосредственно в Москве, новыми заказчиками, соответствующими нашему профилю. Учтите, что до сих пор московские станкостроительные заводы поглощали только небольшую часть нашей продукции. Хотелось бы, чтобы в новых условиях не только сохранилась честь, марка нашего завода, но и поднялась бы еще выше. Возможно, нам помогут в этом прямые связи с родственными нам предприятиями. Тут многое зависит от нашей инициативы. Возможности сейчас открываются перед нами большие.

Через несколько минут мы сидим уже в кабинете Сергея Андреевича Герасимова. Директор «Борца» тоже много говорит о лице своего завода. Но он заботится не о сохранении профиля завода, а о создании его или, вернее, возобновлении.

Судьба этого завода сложилась иначе, чем судьба его соседа. Там — укая специальная, а здесь, наоборот, — потеря ее. Там — технический прогресс, здесь — шаг на месте. Завод считается насасно-ком-прессорным. Но это только название. Номенклатура его очень разнообразна и «распылена». Завод делает малые паровые турбины, инжекторы и эжекторы, вентиляционное оборудование, генераторы, многочисленные подделки и ремонт оборудования.

Почему так получилось? Дилетанту может показаться, что передача в свое время этого завода нефтяной промышленности гарантировала ему узкую специализацию, но на самом деле превращение его в ведомственный машиностроительный завод обрекло его на потерю им уже сложившегося и определившегося лица.

Иначе и не могло быть, — говорит С. Герасимов. — Отраслевое машиностроение! А что это значит? Это значит, что министерство дает нам любой необходимый для него заказ, иногда совершенно нам не свойственный, и мы обязаны его выполнять. В новых условиях, несомненно, мы опять обретем свое лицо и будем идти путями технического прогресса, как и другие заводы высокой квалификации, строго специализированные. Это определит наше будущее, в котором мы сейчас очень верим.

— Ну, а как сложатся ваши отношения с соседом?

— Трудно сказать, в какие конкретные формы выльется наша взаимосвязь, но она, несомненно, окрепнет. Совнархоз поможет нам нашим заводам работать сплоченнее, локоть к локтю. Ну, вот вам пример: почти каждый директор дергает у себя на складах «про запас» и «на всякий случай» материалы, которые в данный момент ему совсем не нужны, а соседу, быть может, нужны до зарезу. Так омертвляются большие ценности. А теперь эти «кубышки» придется открыть, теперь уж они все будут на виду у совнархоза. Одно это уже очень много значит.

Ведомственные заборы рушатся, и перед каждым заводом открываются широкие, хотя еще и не изведанные перспективы. Все сейчас в движении, в процессе становления, в поисках, в стремлении к лучшему.

А. ВЕЛИЧКО

Книжный киоск — всегда самое бойкое место «кулударов». Куда бы вы ни пошли — на партийную конференцию или собрание изобретателей, — у книжного киоска не протолкнуться: нигде, пожалуй, книга не пользуется такой любовью, как у нас в стране. Но книжный киоск на писательском собрании особенно интересен. Здесь не только покупают любимые книги, здесь приобретают и свои собственные произведения, чтобы тут же преподнести их друзьям. Наш фотокорреспондент на III пленуме правления Союза писателей запечатлел одну из таких сцен. Впервые между заседаниями у книжного киоска встретились Т. Сыдыкбеков, С. Муканов и Б. Кербашев. Разве можно не подарить другу свою книгу? По-видимому, это и собирается сделать С. Муканов. А может быть, он рассматривает книгу Т. Сыдыкбекова или Б. Кербашева? Трудно ответить на этот вопрос — ведь и у Т. Сыдыкбекова, и у С. Муканова, и у Б. Кербашева выходящие книги на русском языке и, встречаясь в Москве, они могут вручить их друг другу.

Фото А. Лапина

III ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЗА ПАРТИЙНУЮ ПРИНЦИПАЛЬНОСТЬ, ЗА ЕДИНСТВО СИЛ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

ЗАСЕДАНИЕ 16 МАЯ

Наша литература — новаторская

— Литература наша, — сказал Л. Якимов, — выступает как литература новаторская, которая открывает новые пути художественного познания мира и изображения действительности, почему же мы не гордимся этим? Почему получалось так, что в то время, когда оспаривали советскую литературу, когда пытались сокрушить метод социалистического реализма, в наших журналах не появилось ни одного настоящего ответа критикам социалистического реализма?

Творческая атмосфера должна быть чистой

— У нас, в Молдавии, — говорит Е. Буков, — после XX съезда партии чувствуется оживление. Писатели стали более взыскательно относиться к своим произведениям. На глазах зреет писательская молодежь. Однако отдельные литераторы стоят в стороне от жизни. Одностороннее понимание решений XX съезда мешает им видеть дорогу.

У меня не укладывается в сознании, что некоторые писатели, дышащие сорочкалетним воздухом Октября, могли требовать устранения партийного руководства в литературе. Не решения партии по идеологическим вопросам устарели, а устарели, отжили свое время методы отдельных литераторов, которые по-своему толковали эти решения. Возрожденные сугубо личными интересами, такие люди зачастую искажали глубокий смысл партийных документов, были по честным талантам или превеличавали до невозможности просчеты. У нас, в Молдавии, с уст таких людей не сходили слова «идейность», «партийность», а, в сущности, за этими словами, не звучащими от души, скрывались карьеризм, расправа с талантами, личная месть.

Самый жизненный вопрос

— В работе пленума, — отметил А. Дымшиц, — чувствуется горячее желание большинства его участников по-партийному решать вопросы нашей литературы. Чувствуется живая заинтересованность в повышении коммунистической идейности нашей большой и коллективной работы, в усилении партийной принципиальности писательского творчества.

Еще и еще раз хочется подчеркнуть, что вопрос о чистоте, о партийности наших идейных позиций — это отнюдь не академически отвлеченный или умозрительный, а самый жизненный и насущный вопрос, вопрос живого развития литературы.

Борьба за высокую коммунистическую идейность, борьба против догматических извращений нашей теории, против revisionистских тенденций — это дело, практически и прямо относящееся к сфере художественного творчества.

Особое значение имеет указание партии последних лет — приветствие ЦК съезду писателей и отчетный доклад ЦК XX съезду КПСС. Партия дает здесь важнейшие указания, вооружающие нас в борьбе про-

скамб». И мы можем наглядно убедиться, что в основе всех произведений этого настоящего художника лежат революционные задачи, которые помогают и в наши дни товарищам по оружию в практической борьбе. Не случайно имя Брехта так ненавистно всем врагам революционного искусства.

Далее А. Дымшиц говорит о важности правильного подхода к литературному наследию: — Всем памятно, как грубо, дубинно уничтожалась поэзия Есенина, Блока, Бунина. С этим покончено навсегда, и покончено не без помощи писательской организации. Я вспоминаю речь К. Федина на Втором съезде писателей на эту тему.

Но неправильно причислять некоторые произведения, принадлежащие прошлому, к каким-то значительным явлениям нашей жизни. Имена Хлебникова, Цветаевой, Мандельштама становятся известными, но иногда они популяризируются неверно, и молодежь под влиянием этого начинает увлекаться ими. Сейчас снова поднимают Цветаеву. Что же тогда делать с Ахматовой? Ведь по сравнению с Цветаевой она

Сейчас в нашей литературе у некоторых писателей нарушена связь с народом, отсутствует это глубоко личное, выстраданное понимание своей неразрывной связи с народом.

И вот такой писатель шарается от одной крайности к другой, от черной краски до полной лакировки.

Я счею нужным говорить об этом не для того, чтобы преследовали сейчас кого-нибудь. Нет. Я об этом счею нужным сказать, дабы не повторились вышеуказанные факты в будущем. Надо помнить, что сейчас речь идет о еще большей консолидации в писательской семье на основе партийности, в условиях хотя и острой, но умной критики.

У нас, как и во всех братских республиках, в период культуры личности возможно было приторопить, но не остановить развитие литературы. Это невозможно в силу самого существа нашего социалистического общества. Было и в этот период написано много хороших книг, утверждающих неистинные боевые и трудовые доблестные дела советских людей, героические подвиги на стройках и полях под руководством партии. Разве можно назвать это лакировкой действительности, как пытаются делать иные?

Ем. Буков рассказывает об успехах народного хозяйства Молдавии, делится воспоминаниями о встречах с зарубежными литераторами, критикуя призывы к так называемому «новаторству», которое, по сути дела, представляет собой модернизм чистой воды.

Вот почему я не могу согласиться с тем, что в докладе секретариата такой писатель, как Михаил Пришвин, почти целиком выделен за пределы социалистического реализма. Вот почему я не согласен с профессором И. Анисимовым, который в откровенном письме к итальянскому писателю Пекино исключает из социалистического реализма такого крупного писателя, как Сергей-Пенский. Не думаю, чтобы написанное этим писателем не имело значения для искусства социалистического реализма.

Не могу не вспомнить в связи с этим о выдающемся немецком писателе Бертольте Брехте, творческий опыт которого имеет для нас огромное значение. Он работал с учетом принципов эстетики марксизма-ленинизма, эстетике социалистического реализма, принципам Горького и Маяковского. Его пору принадлежат специальные статьи о богатстве и многообразии форм социалистического реализма. Сейчас мы видим в Москве замечательное его создание — театр «Берлинский ан-

тискусства во всех наших областях, краях и республиках. Несомненно, что советские литераторы не будут стоять в стороне от этого большого, поистине общенародного дела и сумеют вложить свою лепту в эту грандиозную работу.

Я не имею права не доложить пленуму, который, несомненно, сыграет большую роль в дальнейшем развитии нашей литературы, что в Министерство культуры и в редакцию наших изданий поступает большое количество писем трудящихся с вопросами, с ценными замечаниями, с пожеланиями по представлению нашей творческой интеллигенции приехать в эти места. Как правило, авторы этих писем

(Окончание на 2-3 стр.)

ВЬЕТНАМ ПРИВЕТСТВУЕТ

К. Е. ВОРОШИЛОВА

Китай, Индонезия, Вьетнам... Велик путь, проделанный товарищем К. Е. Ворошиловым и его спутниками по государствам Азии. И ввиду пожеланий Советской страны могли убедиться, сколь значительны любовь, уважение миллионов простых людей к Советскому Союзу, к его миролюбивой ленинской внешней политике.

Сегодня Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов — гость прекрасной «Страны юга», вьетнамского народа. Он гость народа, на древней земле которого героика суровой войны в джунглях сменялась героикой труда, Повсюду в Демократической Республике Вьетнам видны радостные картины восстановления городов, возрождения фабрик и заводов, шахт и рудников. Через скалистые ущелья и горные реки прокладываются железные дороги, возводятся плотины и дамбы, строятся школы.

Вьетнамские братья могут не сомневаться: так же, как прежде, советские люди будут оказывать им помощь в мирном труде, будут и впредь укреплять давнюю дружбу, экономические и культурные связи.

Об этой дружбе рассказывается и в публицистической ниже статье одного из деятелей вьетнамского кино — Фам Чонг Куанга.

У московских друзей

Впервые прибыл в Москву, я поспешил найти своих старых друзей — кинорежиссера Кармена операторов Ешурина и Мухина. Оказалось, что В. Ешурина уехал в далекую Антарктиду, но зато на московской Центральной студии документальных фильмов я встретился с Р. Карменом. Мы горячо расцеловались и, как часто бывает, когда встречаются после долгой разлуки, начали вспоминать дни, проведенные в джунглях и ущельях Вьетнама в годы борьбы Сопротивления, восстанавливая в памяти незабываемые минуты возвращения в освобождаемую Ханой.

Встретился я и с кинооператором Е. Мухиным. Едва войдя в его квартиру, я обнаружил множество различных сувениров из Вьетнама. А затем услышал и голос самого Мухина. Он пел со своей дочкой вьетнамскую народную песню. Нужно ли говорить о том, что я был растроган до слез. И начал подпевать.

Конечно, пошли воспоминания. И простая хижина в джунглях, кишущих обезьянами, тиграми и змеями под палящим солнцем при температуре 38°, и многое другое... Мы перелистывали альбом с видами Вьетнама и словно переносились из этой уютной московской квартиры под солнце тропиков.

Вспомнил старое, мы заговорили о настоящем. Ведь сейчас советские люди еще больше помогают моей родине.

День ото дня крепнет наша дружба. Оказывая нам помощь, советские специалисты встречают большие трудности. Помогая вьетнамским рабочим в строительстве заводов и фабрик, они преодолевают топи и реки, карабкаются по горам. Под палящим знойным солнцем, при ураганном ветре они показывают нам, как строить линии радиосвязи, вместе с нами переносит невзгоды, борются с болезнями. Сколько вот таких альбомов, какой лежит на столе у Мухина, пришлось бы сделать, чтобы запечатлеть эту большую, прекрасную дружбу!

В Советском Союзе я посетил Ленинград, побывал на Центральной студии документальных фильмов, на студии мультипликационных фильмов, в институте кинематографии. И везде, повсюду я встречал самый радужный и теплый прием советских людей.

Кинематография Вьетнама еще очень молода, но помощь передового могучего советского кинематографического искусства вселяет в нас веру в то, что наше кино будет успешно идти вперед.

ФАМ ЧОНГ КУАНГ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

считают нужным сказать, что представители творческой интеллигенции в этих районах были бы встречены с распростертыми объятиями. Было бы очень полезно поощрять отъезды на эти хорошие письма тружеников, строящих новые заводы и работающих на действующих.

Оратор отмечает, что некоторые важные вопросы, к сожалению, почти не получили освещения на пленуме.

— Первый назревший вопрос касается нашего советского театра. Театрам недостает новых полноценных драматических произведений. Положение в театрах в связи с этим складывается чрезвычайно тяжелое, и вряд ли правильно обходить на пленуме эту острую для театров, для советской литературы тему.

Нельзя сказать, что пьес в театры поступает мало. Нет, в виде рукописей пьес поступает достаточно, и количество их исчисляется сотнями, а может быть, и тысячами. Но, к великому сожалению, многие пьесы обладают чрезвычайно низким художественными качествами: они сплошь и рядом рыхлы, не содержат ярко очерченных характеров, не написаны настоящим литературным языком, и потому театрам трудно отобрать то или иное произведение для сценического воплощения.

Второй вопрос касается советского кино. Несколько лет назад наши киностудии выпускали по 6—8 фильмов в течение года. Сейчас это прошло. Могут доложить пленуму, что в 1955 году было выпущено 65 фильмов, в 1956 году — 85 фильмов и в этом году, очевидно, будет выпущено не меньше. Нас должно радовать то обстоятельство, что в деле производства кинофильмов неизмеримо возросла роль республиканских киностудий. Достаточно сказать, что, например, в прошлом году из общего количества 85 фильмов 57 были созданы республиканскими студиями. Было стало в нашей стране могучим идеологическим оружием. Можно назвать такую цифру: в прошлом году в наших кино-театрах побывало около 3 миллиардов зрителей. Это — большой участок идеологической работы, крупный вопрос писательской деятельности, и его обходить молчанием не следует.

Позволю себе сказать еще об одном очень важном деле. Речь идет о роли Союза писателей как собирателя литератур братских народов, населяющих наш многонациональный Советский Союз. В основном докладе по этому поводу, с моей точки зрения, сказано не так уж много. Изданы еще в виде приложений материалы, касающиеся положения дел в литературе тех или

других союзных республик. Но полагаюсь бы сделать таким образом, чтобы характеристика состояния литературы братских народов давалась бы не в приложениях, а в основном докладе, ибо наша литература многонациональна.

В литературе братских народов появляются немало исключительно ярких и интересных произведений. Жаль, что на пленуме не отводилось должного внимания характеристике, разбору, анализу таких произведений. Например, припоминается новая публикация произведений Айни — чудесного таджикского прозаика. Обращают на себя внимание произведения таких литераторов, как Рытхэу — первого чукотского писателя. К этому можно было бы прибавить громадное количество книг, которые, к великому несчастью, просто не удается прочесть. Совсем недавно выхледили сборники рассказов литераторов Кабарды, произведения прозы и поэзии литераторов Татарии, Литвы, Латвии, Эстонии. Все это представляет громадный интерес, все это замечательно характеризует неуклонный рост, неуклонное развитие литератур братских народов. Хотелось бы выразить желание, чтобы на следующих пленумах вопросам развития литературы братских народов отводилось значительно большее место.

Далее оратор рассказывает о мерах, принятых Министерством культуры к тому, чтобы устранить проявления бюрократизма, бюрократизма в вопросах руководства искусством.

Товарищи здесь на пленуме говорили, сказал Н. Михайлов, о нуждах местных издательств, о снабжении бумагой, о некоторых вопросах, касающихся гонимых и т. д. Министерство культуры в первый же день работы пленума приступило к изучению этих предложений, и, очевидно, в ближайшее время мы закончим его с тем, чтобы внести эти вопросы на рассмотрение Совета Министров.

Министерство считает, что главная его обязанность состоит в том, чтобы всемерно помогать творческой интеллигенции в ее деятельности. Именно потому министерство пошло на то, чтобы во всех, по существу, творческих организациях создать художественные советы на выборной основе. Новые художественные советы должны сами определять, исходя из принципов социалистического реализма, основные положения своей деятельности.

Затем Н. Михайлов рассказал о тех мероприятиях, которые Министерство культуры будет проводить в связи с 40-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

— Решения XX съезда партии и все мероприятия ЦК партии по идеологическим вопросам, — сказал С. Азимов, — свидетельствуют о том, что в нашей литературе, в писательстве предъявляются очень большие требования, и сейчас, как никогда, надо быть мобилизованными.

Писательские организации Узбекистана сделали много, чтобы перестроить свою работу, чтобы как можно скорее ликвидировать те упущения и недостатки, которые имели место в нашей литературе до XX съезда партии.

С. Азимов разделяет критику предыдущих ораторов в адрес некоторых московских литераторов.

Недостаток перспективы

Директор Института мировой литературы имени Горького И. Анисимов выразил свое разочарование речью К. Федина, в которой не было четкой оценки болезненных явлений, проникших в московскую писательскую организацию, а затем перешел к критике доклада секретариата.

— В докладе утрачены, — утверждал он, — большая перспектива и масштабность в оценке того или иного произведения литературы недавнего времени.

Особенно резко это сказалось в том, что исчезла из поля зрения многонациональность нашей литературы. Мы не раз уже говорили о том, что недостаточно знаем и учитываем весь опыт нашей литературы, но сегодня мы должны сказать, что от заявлений пора перейти к делу и больше докладов, оставляющих в стороне многонациональность нашей литературы, не терпеть.

Едва ли также можно сделать какие-либо серьезные выводы о состоянии нашей литературы, оставив в стороне международный аспект ее развития. В докладе говорится о нападках на социалистический реализм в Польше, Венгрии, Югославии и о необходимости дать им отпор. Но этого мало. А как обстоит дело на фронте прогрессивной литературы в империалистическом мире после отката неустойчивых элементов? Разве не очевидно, что наступление международной реакции проявилось полностью. Это является и нашей большой победой. Надо было дать хотя бы самое простое сопоставление состояния литературы в Румынии или Болгарии, где есть новые интересные явления, с современным состоянием литературы в Польше, где социалистический реализм был объявлен несуществующим, а литература пока что не

нам совершенно непонятна та возня, говорит он, которая идет вокруг романа Дудинцева «Не хлебом единым»: нам совершенно непонятна линия и тенденция газеты Московского отделения «Московский литератор»; нам совершенно непонятно, что делается вокруг сборника «Литературная Москва». И когда вокруг этих вещей идет такая несприципиальная потасовка, отвлекающая нашу литературу от насущных задач, которые стоят перед нами, нас это страшно огорчает.

Далее С. Азимов критикует правление Союза за невнимание к национальным литературам.

рестала приносить урожай. Это сопоставление было бы весьма уместно и поучительно.

Недостаток перспективы сказался и в том, как рассматриваются в докладе вопросы критики и литературоведения. Вместо того чтобы разбираться в истории вопроса и по-новому заговорить о положении и задачах советской критики и литературоведения, доклад по-прежнему несправедливо относится к работе наших ученых и критиков, отделившись самими общими словами, в которых сквозит намерение отвести эту работу на второй план литературной жизни. Многие интересные работы, вроде «Байрона» Елистратовой или «М. Ф. Ахундова» Рафили, не упомянуты вовсе.

И. Анисимов упрекает писателей и секретариат в том, что они не проявляют интереса к работе Института мировой литературы и вообще к работе ученых.

Сейчас, продолжал он, «Очерк истории русской советской литературы» подготовляется вторым изданием, в котором мы надеемся устранить многие серьезные недостатки первого издания. В этом году увидит свет первый том трехтомной истории русской советской литературы. А секретариат Союза писателей к этим работам не только равнодушен и безучастен, но он даже не замечает их, иначе в докладе не было бы следующего врезки: «Необходимо, чтобы в ближайшее время Институт мировой литературы совместно с Союзом писателей приступил к важному и сложному делу по созданию научной разработки истории советской литературы».

Писатели не приняли участия в дискуссии по реализму, которая недавно проходила в Москве.

И. Анисимов сообщает о новых дискуссиях, которые готовит институт, и приглашает писателей творчески сотрудничать с литературоведами.

«Такие книги нам мешают»

— Я хочу напомнить о том, — обратился к пленуму крымский писатель Е. Поповкин, — что мы, каждый советский писатель, живущий в каком-то уголке нашей Родины, а не в Москве, так же несем ответственность за всю нашу большую литературу и все, что происходит в ней. Я должен сказать прямо, что нам, писателям периферии, в последние год-полтора трудно разговаривать с читателями. На многие вопросы я лично не могу дать ответа.

У меня было много разговоров по поводу романа Дудинцева. Подошел ко мне старший подпольный работник-большевик, руководитель партизанского движения в Крыму, и сказал: «Я никогда не писал в газету, я плохой литератор, но когда я прочитал этот роман, я послал письмо в «Литературную газету» и сказал в этом письме, что такие книги нам мешают и по-

мешают нашим врагам. И оказывается, так, я прочитал отчет о собрании московских литераторов, которые считают это произведение лучшим в нашей литературе. Объясните мне, пожалуйста, так ли это? Что я должен был ему ответить?»

Также же разговоры велись и о рассказах Гранина и Яшина.

Здесь подверглись критике сборник «Литературная Москва», журнал «Новый мир», подверглись критике некоторые писатели Москвы. Но я, товарищи, не слышал здесь голоса т. Казакевича, Алигер, Каверина, Гуаного. Я полагаю, товарищи москвичи, что над этим следует подумать, так как иначе мне, человеку, живущему в Крыму, придется вернуться и рассказать, что их позиции так и остались неясными для нас, участников пленума.

Искать новые формы работы

О том, как важна дальнейшая разработка теоретических основ нашего литературоведения, метода социалистического реализма, свидетельствовало выступление на пленуме писателя С. Залыгина. Выказывая в общем довольно верные и прочувствованные мысли, он между прочим и сам не избежал некоего примитивизма в изложении принципов социалистического реализма.

С волнением говорит С. Залыгин о приближающемся сокращении нашей советской литературы, о сорокалетию Великой Октябрьской революции, о глубоком размышлении, раздумии, которые заставляют человека оценить все то, что произошло в его жизни и в жизни страны за эти годы.

Оратор называет ряд произведений сибирских писателей (Г. Федосеева, Н. Яновского и др.), не получивших должного отклика в литературной критике. В связи с этим он призвал критиков к большому вниманию.

К нам прислушиваются миллионы

В своей страстной и принципиальной речи, вызвавшей живой отклик участников пленума, Л. Соболев останавливается на недостатках в работе московской писательской организации, на том вреде, который принесла ей затеянная некоторыми товарищами групповая борьба.

— В московской организации, — отмечает он, — есть люди, которые стоят на явно ложных позициях, но прикрываются принципиальностью. На этот раз таким

мнением относиться к книгам, издающимся в краевых и областных издательствах. Нашим литературным критикам нужно глубже изучать жизнь, пристальнее наблюдать действительность, чтобы с большей уверенностью и большим правом судить о книгах и о том, как отобразил писатель те или иные жизненные явления. — Когда я читаю критическую статью, — сказал С. Залыгин, — в которой упрекают только то обстоятельство, что критик знает лучше меня литературу, но не знает лучше меня самую жизнь, я испытываю большое неудовольствие от такой статьи.

В заключение он обращается с пожеланием, чтобы правление Союза писателей в своей практической работе искало новые, более совершенные формы работы, чтобы оно, в частности, по-настоящему помогло сибирским писателям в важном деле перехода журнала «Сибирские огни» на ежемесячную периодичность.

прикрытием являлся знаменитая «правда-матка», которую режут с немалым успехом для своих собственных целей.

В самом деле, после XX съезда партии многим из нас представляется ясная необходимость писать прямо и честно о том плохом, вредном, косном, что мешает великому делу народа и партии. Тут вполне возможны были ошибки преувеличения, ошибки лапоса критики. Но закрывается все дело, на мой взгляд, не в этих естественных для горячего писательского ума

ошибках, а в том, как относиться к этим ошибкам — к своим и чужим.

И вот тут наша общая вина — и руководства Союза писателей, и всех нас, литераторов.

Осеню я был на Балтике и потому не присутствовал на пресловутом обсуждении романа В. Дудинцева. Самый роман я прочитал много позже, после первой статьи в «Литературной газете». Но вот что удивительно: в Таллине, где я тогда был, ни в библиотеке, ни в общественности — и флотской и городской — роман этот не произвел того термоядерного действия, которое вызвала шумиха, поднятая в литературных кругах Москвы.

Известно, что роман этот стал кое для кого неким знаменем. И как ни тяжело мне это говорить, но я должен это сказать: часть литераторов собралась таким же знаменем сделать сборник «Литературная Москва». Но ведь знамя нужно защищать. И мне удивительно, почему писатели, которые делают этот сборник своим знаменем, которые выражают свои взгляды публикацией в нем рассказов, статей, стихов, — почему эти писатели вот здесь, на пленуме, не защищают свои позиции? В этом есть нечто странное.

А выступить им очень нужно было бы, ох, как нужно! Ведь нельзя забывать, что эта трибуна — весьма высокая трибуна. На ней нас, писателей, видно со всех сторон, видно со всех концов нашей обширной Родины. Миллионы людей, читающих наши книги, очень внимательно прислушиваются к тому, что мы говорим с этой трибуны. Отсюда, с трибуны пленума, мы выражаем то, что не сумели сказать книгами, или исправляем то, что было написано ошибкой. И особенно страстно следят за нами самая горячая и самая доверчивая часть наших читателей — молодежь.

А ведь в головах этой молодежи мы порядком напутали теми произведениями минувшего литературного года, которые якобы резали пресловутую «правду-матку». А как это действует на молодежь, как она реагирует на это! Так почему же не объясниться тем, кто эту путаницу произвел в молодых умах? Несомненно, им-то и следует объяснить молодежи, что к чему.

Тут одно из двух: либо авторы произведений и те, кто их поддерживает, понимают, что упреки, обращенные к ним, справедливы, и тогда они должны сказать об этом. Но если они считают, что эти упреки несправедливы, если они верят в свою правоту, то они должны стать под свое знамя и защищать свои литературные убеждения.

Но ни того, ни другого не происходит. Хотят наши товарищи того или не хотят, они сами навлекают на себя очень тяжелые обвинения в групповых интересах, прикрытых пыльным знаменем «принципиальности» и «творческих убеждений».

Мы взрослые люди, и надо понимать, что здесь требуют не покаянных речей, не бегства себя в гроб. От нас требуют простого выполнения своей обязанности члена Союза писателей, слуги народа. Это обязательство заключается в том, чтобы служить своими книгами и своей жизнью

О критической бесхозяйственности

Я согласен с Маршальской Шатнян, в том числе и написанным в последнее время, неслаженно остается все нашего внимания. Вот в журнале «Знамя» был опубликован роман В. Берне «Вышли мы все из народа». Это большая работа, писатель так затронул много важных проблем. Там говорится, как молодая работница становится народным депутатом, как в ней пробуждается мысль, сознание и творчество государственного деятеля. Это тема, кровно волнующая нас, советских людей. Это судьба человека нашего времени. Однако критика почти обошла роман, сказала о большой работе писателя похода. Или взять многоотомную эпопею Валентина Катаева, плод жизни писателя. Где, кем обстоятельно рассказано о ней? Где прослежено, как развивается художественное мастерство писателя; где отражены его сложный и трудный путь? Что это, как не бесхозяйственность нашей критики, не пренебрежение к своему делу!

Некоторые итоги пленума подводит в своем выступлении В. Комеников. Он отмечает:

— Если говорить об атмосфере этого нашего пленума, о том главном, чего мы достигли в процессе обмена мнениями, обмена открытого и серьезного, то мы увидим, как происходит дальнейшее сближение наших работ на почве критического отношения к недостаткам, на почве устремленности к новым успехам литературы. Это — свидетельство нашей силы, твердости, свидетельство того, что допущенные ошибки не были органически свойственны нашей литературной среде, являлись чем-то наносным в ней.

Вместе с тем мы видим, что критикуемые здесь отдельные произведения вовсе не родились в результате писательской смелости, большой общественной мысли, серьезного разрешения серьезных задач. Это были всего лишь частные, трюкаческие попытки испытать твердость нашего читателя и посмотреть, что из этого выйдет.

Дух новаторства

В своем выступлении В. Катаев говорит, что ленинская партия с самого своего возникновения всегда была партией новаторов. Этот дух новаторства и проявился в том, что наша страна в неслыханно короткое историческое время продвинулась так далеко вперед. Со времени XX съезда партии прошло не так много времени, а сколько мы уже увидели новых новаторских свершений — поднятие целинных и залежных земель, реорганизация управления промышленностью, подъем в сельском хозяйстве!..

— А вот в наших литературных делах, — замечает оратор, — мы словно забыли о литературном новаторстве. Наша литература пока еще не охватывает современную действительность во всей ее

народу. И если книга ваша вызывает недоумение, если рассказ ваш двусмыслен, если он производит не то действие, на какое вы рассчитывали, то вы обязаны сказать, что именно вы хотели им сказать и как это получилось, что вас понесли не так. Это трудно, согласен, но это необходимо для дела, которому мы служим.

Вообще наша писательская должность очень трудная, и, ко всему прочему, она трудна еще и тем, что каждое слово, сказанное нами, идет в души и умы наших читателей.

Как же можно молчать? Как же можно оставить хотя бы малейшую туманность между мной и моим читателем? Это опасная туманность. Из-за нее можно лишиться доверия народа.

Известно, что в музыке пауза выражает иной раз больше чувства и мысли, чем мелодия или аккорд. Ваше молчание опасно. Оно дезориентирует читателей. Что оно значит? Что в нем кроется? Гордое пренебрежение мнением других? Презрительная уверенность в своей непогрешимости? Оскорбляющее «где вам меня понять»? Пафос жертвенности? Что означает это молчание? Извините, мы не понимаем. Не поймет и народ.

Но ведь вот что смешно. Пройдет еще год-два, и начисто забудутся эти «тенистые», «непонятные» рассказы, романы, стихи. Да, забудутся. Это пена на волне, прокатившейся по нашей стране после XX съезда партии. А пена, как известно, лопается.

Вот знаете ли вы то, что мне стало известно вчера и что меня поразило точностью вражеского прицела, гангстерской расчетливостью, какой-то неусыпной дальностью замысла, и что именно и заставило меня выйти на эту трибуну и волноваться более того, что мне разрешено врачами.

Знаете ли вы, что в западной прессе к вам, которые сегодня должны бы выступить, но не выступают, обращены обильные лицемерные чувства, что в вам протягивается «дружеская» рука с аллом, что вам раскрыты объятия, которые — только доверся им! — вас выдадут, что на вас уже накинута лассо, которое далеко утащит вас от вашего народа?

Знаете ли вы, что вас призывают к подвигу молчания!

Подвиг молчания! Какие страшные, отвратительные слова! Молчите — вас признают, у вас есть друзья, ваш подвиг молчания будет оценен историей.

А кому молчать? Писателю молчать? Поэту молчать? Так зачем же ему тогда талант и ум? Зачем ему горячая совесть? Зачем ему жизнь, если эта жизнь он проведет в подвиге молчания перед своим народом?

Не верю я тому, что вы последуете этому дьявольскому совету. Не верю. Не здесь, не с этой трибуны, так в печати вы скажете свое честное слово советского писателя. Скажете — потому что на нашей планете есть нечто посерьезнее мелких схваток в московской организации: есть еще давнишний спор двух систем, обострившийся опять, и нет для наших врагов большей радости, чем расколоть? Я разложу отряд верных бойцов коммунизма — советских писателей!

Иногда она говорила, что рад произведений, в том числе и написанным в последнее время, неслаженно остается все нашего внимания. Вот в журнале «Знамя» был опубликован роман В. Берне «Вышли мы все из народа». Это большая работа, писатель так затронул много важных проблем. Там говорится, как молодая работница становится народным депутатом, как в ней пробуждается мысль, сознание и творчество государственного деятеля. Это тема, кровно волнующая нас, советских людей. Это судьба человека нашего времени. Однако критика почти обошла роман, сказала о большой работе писателя похода. Или взять многоотомную эпопею Валентина Катаева, плод жизни писателя. Где, кем обстоятельно рассказано о ней? Где прослежено, как развивается художественное мастерство писателя; где отражены его сложный и трудный путь? Что это, как не бесхозяйственность нашей критики, не пренебрежение к своему делу!

широте, и книг у нас меньше, чем должно было быть. В значительной степени это происходит потому, что мы забываем истину: для изображения действительности нужно неустanno искать новые формы, нужно новаторство.

Вспомним Маяковского. Вначале его новаторство было оружием борьбы с капитализмом. После Октябрьской революции, с первых же ее дней, Маяковский отдал свое новаторство — свои формы, фразы, музыку, рифмы — на службу тем задачам, которые стояли перед советским народом. В последние годы своей жизни он достиг удивительного мастерства и точности, особенно в поэме «Хорошо!» — с ее необычайным лаконизмом, остротой зрения.

Московские писатели должны идти впереди

Один из руководителей Московского отделения Союза писателей СССР Н. Федин произнес большую речь, однако она не во всем удовлетворила участников пленума, критиковавших в дальнейшем эту речь.

— Здесь было сказано, — говорил К. Федин, — «правильное замечание о том, что собственно литературным вопросам наш пленум уделял мало внимания. Я это объясняю тем, что существует большая потребность улучшить нашу работу какими-то организационными средствами. Мне представляется так, что наиболее острые моменты общественной жизни всегда возбуждают эту потребность в организационных формах. Вся страна сейчас перестраивается. Совсем новый этап переживаем мы в строительстве, и он требует от всех участия в устройстве новых форм работы.

Сейчас я скажу несколько слов в отношении критики нашей работы на пленуме, но предварительно — о целях создания Московского отделения. Может быть, это субъективно, но иначе я себе этого не представляю.

Хотелось большего объединения, тесного дружеского единения, большой активности, более удачного, результативного преодоления некоторой усталости, может быть, апатии, которая возникла от старых форм работы нашей организации до создания Московского отделения. Тогда были даже сомнения в пользе наших встреч, поскольку они обычно принимали характер культпросветовских мероприятий.

К. Федин далее говорит о достижениях московских литераторов, о заслугах московского коллектива переводчиков с языков братских литератур и языков народов всего мира. Он возразил М. Бажану, считая, что можно говорить лишь о «полнокровии» московской писательской организации, но не о ее гипертрофии, не согласился с некоторыми (назо скажем, вполне справедливыми) упреками В. Заруктина и М. Турсун-заде.

Пленум, делает вывод оратор, критически отнесся к работе Московского отделения. В чем выразились опасения пленума за направление работы Московского отделения, как она сложилась за последний год? В том, что Московское отделение дает не тот пример, какой должно

давать. Работа Московского отделения не тем плоха, что она мала, мелка, низка по сравнению с прочими отделениями Союза писателей, а тем, что она не так ответственна в какой-то своей части, как должна была бы быть по своему положению ведущей писательской организации всей советской литературы.

Эту критику москвичи должны признать и принять ввиду тех конкретных разборов отдельных произведений, которые здесь назывались как не выдержанные или порожденные произведениями, с ошибками идейного плана. Это значит, что Московское отделение обязано объединять в целеустремленной работе всех писателей своей организации, и в этом слове «всех» заложено исполнение неуда, который проявил себя за последние годы в жизни московских писателей.

Далее К. Федин говорил о том, что никакое советское писательство не дадут себя увлечь демагогическими призывами, которые сейчас доносятся из-за рубежа, призывами к «левому», а по сути дела буржуазному искусству. Все это мы уже пережили и сообразительным ответом так: эти греки мы давно замолчали и не хотим идти в тот же монастырь.

— А что касается наших противников на Западе, то я думаю, что тут не название «социалистический реализм» сердит их и не формула сердит; им не нравится суть дела, не нравится то, что мы защищаем наши советские представления. В этом все дело. Борьба идет не с литературой. Это только, может быть, поле, один из плацдармов борьбы, а борьба-то идет со всей нашей страной, со всеми нашими социалистическими народами. Наша литература представляет за рубежом лицо советской культуры, ее новаторство, ее революционную сущность, знает которую хочет человек за рубежом. Что такое Советский Союз, что такое советский человек, что такое советский строй? Читатель советскую литературу и вы увидите всю многогранность, почувствуете весь пафос, которым заражено наше общество.

Советские писатели росли с коммунизмом, они выросли в нем, они будут с ним всегда и всюду во всем мире и раньше всего в родной своей стране. Москвичи были в этой борьбе всегда впереди и будут и дальше впереди.

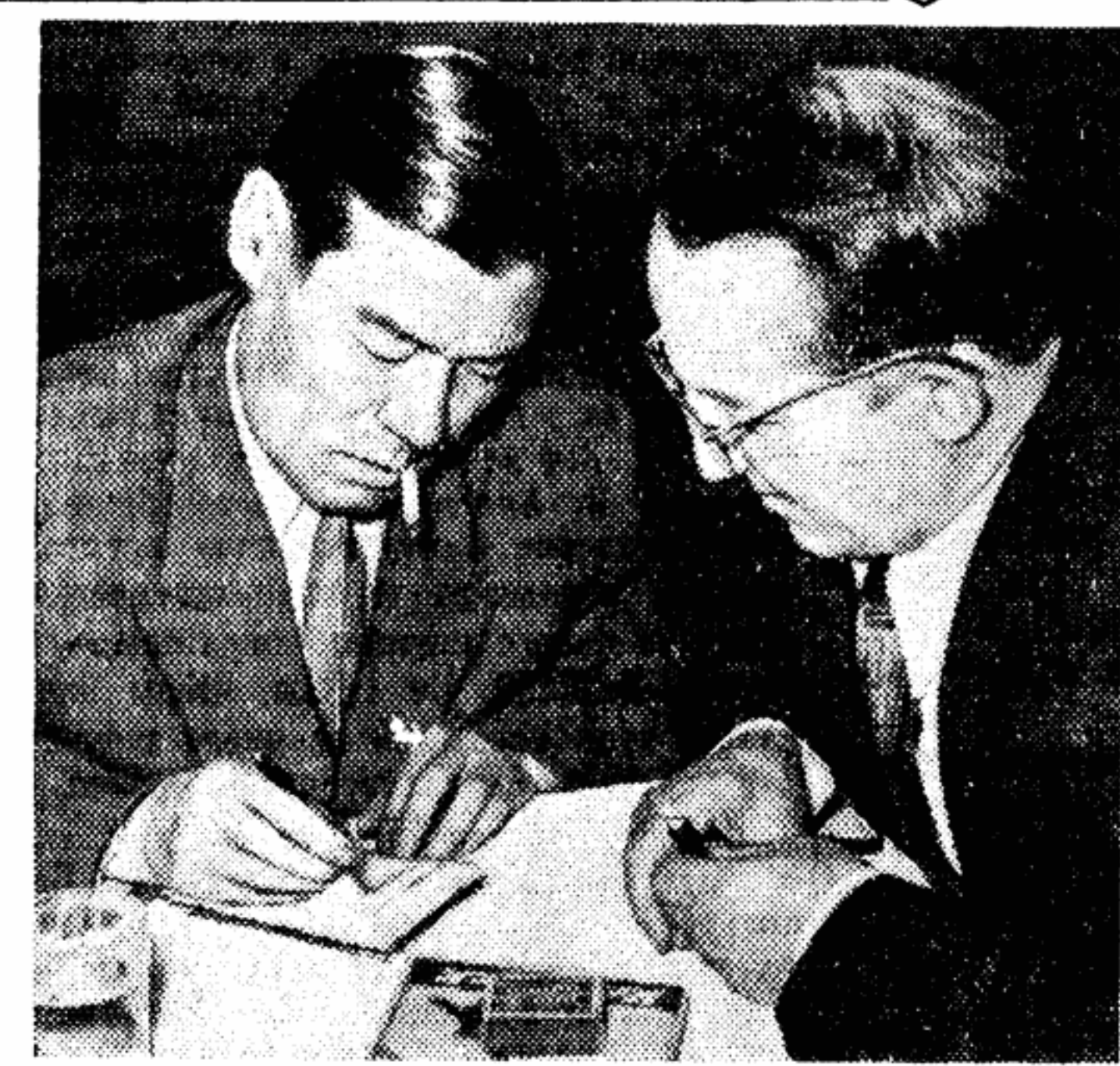
Споры вокруг романа В. Дудинцева

приняли ярко выраженный характер идеологической борьбы. Мы должны думать о том, кому, в чьи руки мы иногда даем оружие в идеологической борьбе, которая ведется вокруг нашей действительности, нашего общественного строя.

А. Тимонин рассказал пленуму о положении в карельской литературе и также бросил упрек секретариату за полное отсутствие внимания к «малым» литературам.

—

ской литературой! Можем ли мы молчаливо переносить атаки мировой реакции? Мировая реакция, спекулируя лживыми дозунгами свободы творчества, атакует социалистический реализм, называет наши лучшие произведения лакировочными, а нас — лакировщиками. Мировая реакция, спекулируя кощунственным дозунгом борьбы против «сталинизма», требует от нас переоценки всех ценностей, требует отказа от партийности литературы, требует ревизию решений ЦК партии по идеологическим вопросам, требует, чтобы мы охали и распотлали все наши достижения, белое называли черным, пошлы бы в плен буржуазной идеологии. Но этому не бывать!

В ДНИ ПЛЕНУМА. Писательские пленумы, помимо всего прочего, знаменательны писателями из самых разных уголков нашей необъятной Родины, но между тем все они, нем каждого встает его книги, статьи, выступления. Задушевный разговор между реп наиболее привычную для литераторов форму — жаркое схватили за перо: «Эту на другом снимке запечатлена еще одна из таких многочисленных встреч И. Левченко, А. Прокофьев и Е. Поповкин. Собеседники С. Маршала на снимке не видно, но уже по лицу Самуила Яковлевича серьезных и, вполне возможно, не располагающих к шутильному настроению.

еще и своими встречами. Сюда съезжались как говорится, «старые знакомые», — за имени Т. Жарковым и С. Сильяновом вскоре мысль надо обязательно записать». На пленуме, Это писатели М. Турсун-заде, замечают, что на этот раз речь идет о важном фотопортрет А. Липина

еще и своими встречами. Сюда съезжались как говорится, «старые знакомые», — за имени Т. Жарковым и С. Сильяновом вскоре мысль надо обязательно записать». На пленуме, Это писатели М. Турсун-заде, замечают, что на этот раз речь идет о важном фотопортрет А. Липина

ЗА ЕДИНСТВО СИЛ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

Помня пример Маяковского, мы должны относиться к творческому новаторству очень серьезно и по-хозяйски. Молодежь и молодое искусство, — подчеркивает В. Катаев, — всегда связаны с новаторством. Поэтому я сегодня и обращаюсь к Союзу писателей, к дирекции Литературного института: нужно, товарищи, создать наиболее благоприятные условия для новаторства нашей молодежи. Нужно, чтобы новаторство давало как можно больше хороших плодов.

Заканчивая свою речь, писатель говорит: — Вопросы нашего писательского труда мы всегда и при всех обстоятельствах должны поднимать главным задачам на-

шей страны. Я вот проехал недавно по громаднейшему Китаю и первый раз наглядно увидел и понял, как велика революция. Летим в Москве в Пекин, и видишь эти громадные степи, в которых родилось человечество. И вдруг здесь вы чувствуете движение революции, которое предсказывала нам деятельность В. И. Ленина. И когда вы видите народ, освободившийся от ярма и вступивший на путь индустриализации и социализма, вы понимаете, каковы должны быть задачи нашей литературы. Старыми способами такой литературы не создашь. Здесь должны быть и романтика, и особые ритмы, и чудесная музыка революции.

Честно исправлять ошибки

Самокритичным было выступление П. Антокольского, который считает совершенно справедливой критику на пленуме, направленную в адрес московской организации Союза писателей.

— Я не могу согласиться, — говорит он, — с речью Б. Федина, который эту критику старается смилчать ссылкой на общепризнанные заслуги москвичей, заслуги, записанные золотыми буквами в истории нашей литературы.

Ослабела за последнее время деятельность московских переводчиков. В издательствах чувствуется некоторая расслабленность и растерянность. Но самое большое — это появление ряда припадков перу членов Московского отделения Союза писателей произведений и статей, о которых приходится говорить, как о тяжелом и горьком явлении в нашей общей жизни.

И я здесь прямо признаюсь, — говорит П. Антокольский, — мне сейчас нелегко переосмыслить свое прежние отношение к подобным произведениям, сложившееся тогда, когда я еще не видел, что стоит за всем этим. Что отражают эти произведения, появившиеся одно вслед за другим? Отражают ли они труд великого советского на-

рода на всех участках его жизни так, как мы знаем об этом труде; отражают ли они думы, чаяния и надежды народа и даже его волю? Нет. Эти произведения отражают идейные шатания у некоторых элементов из кругов нашей интеллигенции.

Сейчас я понял, что нельзя не согласиться с «Литературной газетой» в оценке нашего недавнего пленума московской организации, нельзя не осудить наши непомерные раздражения, неприличные нападки, семейные нападки, которым подверглась на том пленуме статья Б. Зелинского, писавшего в «Литературной газете» о коллективном сборнике «День поэзии», сборнике во многом неудачном. И я раскаяюсь в том, что так глумливо и не по возрасту безудержно ругал уважаемого критика.

Мы готовим сейчас новую книгу «День поэзии», которую хотим дать читателю в 40-летие нашей жизни и нашей эпохи. Мы зовем на страницы этой книги всех поэтов, зовем к тому, чтобы они помогли нам сделать ее боевым документом эпохи, вдохновляющей песней, обращенной к миллионам и миллионам трудящихся людей нашей страны.

В своей речи Н. Атаров значительно место уделено замечательным запискам из блокнота Л. Н. Сейфуллиной, опубликованным уже после смерти писательницы. Он приводит отрывки из этих записок, которые нельзя сегодня слушать без глубокого душевного волнения: «То, что я имела сказать, я всегда говорила представителям партии. Все мои сомнения, моральные, идеологические порядки, всегда были мной непосредственно объяснены в партии, к тем или иным общественным представителям ее. У меня не было ни одного момента в жизни, когда бы я искала иной среды. Мир, не организованный волей Коммунистической партии, для меня — безвоздушное пространство. Я не представляю себе существовать на «ничьей земле». Так верю и так поступаю. Вот мой партиялет. И не хочу прийти к концу моей жизни Иваном, не помнящим родства. Мне внутренне «Я», все, чем я прожила свою жизнь, — связано с Коммунистической партией... Не хочу умереть беспартийной при той или иной катастрофе — даже не имея партийного билета, хочу знать: я коммунистка!»

Весьма неясно отзывался Н. Атаров в своем выступлении о том положении, какое создавалось за последнее время в московской писательской организации. Нечетко было и его рассуждение о том, что применение пробы писателей, как он сказал, немного может дать пользы. Вообще речь его отличалась расплывчатостью.

Дорого стоивший урок

— Московская писательская организация, — отмечает Н. Чертова, — находилась в центре обсуждения на этом пленуме, и очень трудно умалчать, когда столь возмущающе и товарищески строго о нас говорят и русские писатели, и писатели братских литератур.

Очень важно отметить ту единую и страстную заботу, какую участники пленума проявили в отношении москвичей в момент, когда писательская организация столицы в какой-то своей части испытывает опасность группового разделения, опасность явных излившихся в уличении обличительным жанром литературы.

Мне хочется сказать всем товарищам, которые говорили о московской организации: да, я разделяю с вами тревогу за идейную целостность московских писателей и испытываю эту тревогу давно. Странно и горько сказать: итоги XX съезда КПСС обсуждали все советские люди, не обходили их только писатели Москвы. Кто в этом виноват? Я могла бы сказать, что в президиум московского правления были настоящие голоса за такое собрание, но это пустая отговорка, поскольку мы не были за свое предложение до конца.

Если бы вовремя разумно и твердо были направлены страсти, я уверена, что не суждено было бы рядовому писа-

Верные помощники партии

— Итоги проходившей на пленуме четырехдневной дискуссии показывают, — начал свое заключительное слово А. Сурков, — что все выступавшие были едины и в оценке сегодняшнего положения дел в литературе, и в определении дальнейшей линии ее развития.

На этом пленуме впервые за всю историю нашей организации с такой силой раскрылась заинтересованность представителей всех братских литератур в общих судьбах нашего развития. Все ораторы были взволнованы общим положением дел в нашей литературе, не замыкались свои суждения, как это делалось раньше, в рамках ограниченного национального опыта и частных интересов, а судили о литературе, как о многонациональном целом — широко и смело.

Вторым отличительным признаком дискуссии было решительное вторжение в обсуждение острых дискуссионных вопросов русских писателей, живущих на периферии. Мы могли с радостью наблюдать, как растет и ширится литературный кругозор этих писателей, как остро они всматриваются в процесс роста литературы, как сильно их беспокоят недостатки, тормозящие наш рост.

А. Сурков признал справедливыми многие критические замечания, сделанные выступавшими по поводу представленного на пленум коллективного доклада секретариата «О некоторых вопросах развития советской литературы после XX съезда КПСС», и согласился с критикой работы секретариата.

— Все или почти все участники дискуссии, — продолжал А. Сурков, — решительно утверждали, подкрепляя многими живыми примерами, высокую плодотворность руководящего влияния партии на процессы роста всех отраслей нашей многонациональной литературы.

В связи с вопросом о партийном руководстве искусством и хотел бы напомнить слова В. И. Ленина, сказанные им в его классической работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». «Уничтожить классы значит не только прогнать помещиков и капиталистов», — писал Ленин, — это мы сравнительно легко сделали, — это значит также уничтожить мелких товаро-производителей, а их нельзя прогнать, их нельзя погнать, с ними надо умирять, их можно (и должно) переделать, переносить только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его, развращают его, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от умирения к умирению».

Приложите эти ленинские слова, написанные почти 40 лет тому назад, к некоторым особенностям развития событий в Венгрии или в Польше, к тем молниеносным переходам от умирения к умирению, к тем рецидивам мелкобуржуазной бесхарактерности и индивидуализма, которые привели нас к катастрофе в духовной эволюции некоторых югославских, венгерских и польских писателей и теоретиков. Как убедительно, глубоко и обоснованно было суждение В. И. Ленина! И у нас рецидивы того, о чем писал В. И. Ленин, продолжают жить в виде пережитков капитализма в сознании и чувствах многих людей, в том числе интеллигенции. Несомненно, на стойкости этих пережитков сказывается и наличие капиталистического мира и попытки этого мира отравить нас миазмами своего гниения. Поэтому, когда сравниваем рассказы Дундичева, написанные им несколько лет тому назад, и его последний роман, когда сравниваем роман «Искатели» Грамина с его рассказом «Собственное мнение», когда сравниваем стихи Липина с его последним рассказом «Рыцари», то выносите из этого сравнения впечатление рецидива мелкобуржуазной бесхарактерности и режкого перехода от умирения к умирению, выйдите те признаки влияния мелкобуржуазной стихии, на которые указывал Ленин.

Обстановка острой классовой борьбы двух миров, являющаяся нам миром капитализма, должна настораживать нас и повышать в нас благодушное чувство единения. Это единение роль русского пролетариата. Дважды, лишь на мгновение, и как бы символически, входил он в поэму, однако в первом, и во втором случае мы видим за Ивановым непоколебимые ряды русского рабочего класса. Первым подает заявление о приеме в РПН Иванов, и за ним следуют миллионы... Нет, не остановите движения истории!

Москва. Вот «Коминтерн» сигнал дает. Во мле ночной Часы идут к кроваво-алому восходу. Сквозь кровь последнюю Проходит шар земной И мчится влево — В сторону Свободы!

Поэма «Века и минуты» была новой ступенью на творческом пути Хади Такташа. А путь этот был сложен.

Осмысливая причины явных расколов на принципах партийности, на право партии руководить развитием литературы и искусства, мы в полную меру уясним себе классовую природу этих нападений, если вспомним ленинские слова о том, что «отрицание партийности и партийной дисциплины... равносильно полному разоружению пролетариата в пользу буржуазии».

Эту глубоко враждебную нашим историческим целям направленность атак на принципы партийности отлично понимают все наши лучшие писатели — и коммунисты, и беспартийные.

Нас, советских писателей, никогда не тяготило то, что партия не держалась политики нейтралитета и невмешательства в наши литературные дела. Наоборот, мудрой помощи партии литературе во многом обязана своим ростом. Для тех из нас, которые прошли свою жизнь в литературе в тесной связи с жизнью родного народа, которые вочичи видели полноту историческую роль партии в социалистическом преобразовании общества, было естественным и закономерным то, что партия, отвечающая перед историей за моральное здоровье народа, вмешивалась в литературную жизнь тогда, когда те или иные явления литературной действительности могли нанести ущерб народу. Такое вмешательство не уменьшало моральный суверенитет личности советского писателя, не сковывало его индивидуальной свободы в выборе тематики и проблематики произведений, не стесняло индивидуальности черт его таланта и стиля, а вооружало его более острыми и глубоким видением жизни и людей.

Некоторые из наших польских коллег, посягая ветер негодования против якобы угнетающего литературу вмешательства партии или государства в судьбу книги, ныне пожелали не бурю «возрождения литературы», а блок порнографии и цинизма, о которых совсем недавно с законным возмущением говорил в одном из своих выступлений товарищ Гомулка.

Вглядываясь в ту туманную вою, которая шла в последнее время в некоторых литературных кругах Польши, Венгрии и Югославии под широкимозвездчатые лозунги борьбы против рутинности и косности, под лозунгами новаторства, нельзя, однако, не заметить, что все эти агиты новаторства повернуты лицом назад, к той помощи отбросов мировой культуры, на которой уже давно зловонно истлевают вырванные историей отбросы всяческих «языков» шестидесяти- и пятидесятилетней давности.

И не отзвукими ли этого шума у соседей являются участники нашей в последнее время призывы отравлять молодых поэтов на выучку к Марине Цветаевой, или Борису Пастернаку, или некоторым другим поэтам, подчеркивающим своей биографией и своими стихами постороннее отношение к тому, что делает и делал за последние сорок лет наш народ.

Мы издали собрание сочинений Ивана Бункина и избранные сочинения Леонида Андреева. Будет напечатана книга стихов Марины Цветаевой. Нормально и естественно переиздание стихов Бориса Пастернака или Анны Ахматовой. Но вряд ли следует отождествлять нашу издательскую политику с ориентацией молодежи на учебу у тех или иных из этих мастеров. Нам следует воспитывать молодое поколение на героических традициях классиков нашей многонациональной и мировой литературы и на тех произведениях советской и прогрессивной зарубежной литературы, в которых бьется живое сердце нашего неперотворного героического времени.

Далее А. Сурков справедливо критикует М. Шагина, которая в своем выступлении изображала идейно-творческую борьбу, идущую в литературе, как склоны и ярости, и утверждала, что обстановка двадцатых годов и даже дореволюционной ли-

тературной среды была лучше и здоровее обстановки, царящей ныне в нашей литературе.

А. Сурков также критиковал В. Овечкина, который не утруждая себя конкретной критикой по существу, одной размашистой фразой, одной столь же категорической, сколь и безосновательной репликой раздался с докладом секретариата.

— В последнее время, — продолжал оратор, — литературная общественность много внимания уделяет сборнику «Литературная Москва». Это не случайно. В том, что этот сборник возник как плод писательской самостоятельности, нет ничего вызывающего возражения. Надо только приветствовать ту инициативность, энергию и бескорыстие, с которыми его коллектив велел дело. Возражения возникают только. Они возникают после того, как вы внимательно вчитаетесь в то, что напечатано во втором сборнике «Литературной Москвы». Хотя все сначала поражает обилие и разнообразие имен представленных на его страницах литераторов, хотя вы найдете там и бесспорно хорошие произведения прозы, поэзии, очерка, но, вчитываясь, вы не сможете не заметить, что через основной «костяк» произведений, представляющих как бы литературно-политическую позицию редколлегия и окружающего ее актива, проходит унылая нота ворчливого брюзжания.

Позиция, занятая редакторами «Литературной Москвы» на обсуждении второго сборника в Доме литераторов и на пленуме правления Московского отделения, явно показала их боевое стремление настаивать на всем, что содержит этот сборник, и летать на этой позиции определенную литературную платформу, в которой идейно-политические моменты преобладают над стилевыми. И странно, что на этом пленуме товарищи предпочли отмалчиваться, не доверили пленуму своего кредо, своих соображений и своих убеждений. Мне кажется, что это неверная и неподотворная для развития литературы позиция. Я хотел бы высказать пожелание, чтобы мы, москвичи, в последующих дискуссиях, откровенных и острых, помогли товарищам нарушить односторонний обет молчания и довели бы до конца выяснение наших позиций.

«Подвиг молчания» в наших условиях — ширма, прикрывающая мелочность мелкобуржуазного фондерства. Замкнувшись в скворечник молчаливого отсутствия, можно очень легко оказаться в стороне от жизни. Нужно набраться мужества и переосмыслить свои ложные позиции.

Было бы крайне вредно, если бы мы сочли деятельность нашего пленума, проходившего на большом накале политической страсти, каким-то сигналом к стрельбе по выходящим в литературно-творческих вопросах. Задача убеждения, задача переосмысления, была и остается для нас главной задачей и базой для настоящей консолидации. Но осуществлять сплочение нужно на четкой идейной платформе, объединяющей все живые силы литературы и отменяющей все, что мешает ее развитию.

Первое и неоспоримое достоинство московской писательской организации — сосредоточение в этом коллективе самых выдающихся представителей русской советской литературы и большого отряда молодых талантливых писателей. Московская писательская организация, в лице лучших своих представителей, составляющих ее ядро, — это не только творчески сильный, но и идейно здоровый, безгранично преданный партии и народу коллектив борцов за дело коммунизма, коллектив, который закономерно гордится тем, что в нем работали и Максим Горький, и Владимир Маяковский, и другие писатели, прославившие нас всей нашей молодой литературой. И тем обиднее, что в течение прошлого года в этом идейно и морально здоровом коллективе наметились некоторые зримые признаки лихорадки, носители которых не столь уж многочисленны, сколь шумливы и громогласны. И жалко, что К. Федина занял на пленуме полновластную позицию защиты того, что происходило в московской организации. Прислушавшись все критические замечания в адрес московской организации, я увидел в них не повод для запальчивой убитости, а лишь напоминание о том, что мы должны вновь завоевать право считаться ведущим творческим коллективом в брат-

ской семье нашей многонациональной литературы. Мне кажется, что мы сумеем справиться с этой задачей.

Владимир Ильич Ленин в одной из последних своих работ — в статье «Лучше меньше, да лучше» — писал: «Западноевропейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны. Именно такой выход из империалистической войны представлялся, конечно, немцам значительные выгоды: если мы не опроркинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму...», так, например, рассуждали эти державы...»

Так было 35 лет тому назад, при выходе молодого социалистического государства из первой мировой и гражданской войны. И разве не ту же тактику применяет возмущающийся ныне американский империализм капиталистический мир по отношению к Советскому Союзу, Китаю и странам народной демократии? Разве это не они, нежелание наши союзники в борьбе против германского фашизма, сразу же после второй мировой войны не только не помогли нам и нашим друзьям в странах народной демократии в восстановлении огромных разрушений, но сделали все, чтобы затруднить восстановление, до предела обострили послевоенные экономические трудности лагеря демократии и социализма?

Но, несмотря на все усилия мировой реакции и вопреки им, страна наша приходит к своему сорокалетию во всеоружии всемирно-исторических и всемирно-признанных достижений.

Оглянемся на минуточку на наш героический сорокалетний путь. На этом пути, где веками стоят братские могилы героев, сложившие головы за дело торжества коммунизма, мы увидим годы военных потрясений, года и разрухи и годы великих восстановительных и созидательных усилий, вновь годы войны и разрушений и вновь годы восстановления и созидания. И через годы войны и через годы мира мы не удержим, последовательно, неустанно двигаемся вперед, только вперед, отвоинствуя для социализма все новые и новые плацдармы и у себя в стране, и за рубежом.

Приближаясь к славной дате сорокалетия Октября, мы испытываем законное чувство гордости за свою страну, за народ, за партию, которая провела этот народ через тяжелейшие испытания от одной победы к другой. Это чувство растет в нас от сознания того, что за это время без какой-либо помощи мы построили из старой, отсталой России государство величайшей экономической и политической мощи. Это чувство растет в нас при взгляде на сегодняшнюю карту мира, где в красный цвет социализма заштрихованы огромные пространства, населенные почти миллиардом людей. Это чувство растет оттого, что все мы видим, как, разбуженные октябрьской грозой и музыкой созидания социализма, просыпаются и вливаются в мощное национально-освободительное движение сотни и сотни миллионов людей в колониальных и зависимых странах.

Пускай молодая наша литература, Пускай не всегда успевают она за стремительным бегом жизни. Но литература народа, неутомимо ищущего сорок лет вперед человечества по нелегким развешенным дорогам будущего, гарантирована от преждевременной старости, изучившей прагматизм и трупами пятнами декаданса лицо современной ортодоксальной буржуазной культуры. У нас есть трудности и противоречия роста, после преодоления которых организация становится сильнее и выносливее. И мы, переживавшие через трудный этап, пережитый нами в прошлом году, уверенно и сплоченно пойдем вперед по коротке роста, чутко ощущая биевание народного сердца и верно передавая музыку этого богатейшего биевания в своих произведениях. В годы бед и радостей мы были верными помощниками партии в великом деле коммунистического воспитания народа-строителя. Верными помощниками партии останемся мы и в будущем, не боясь никаких сложных задач, которые поставит перед нами жизнь.

Хади Такташ

Апрель 1924 года. В одном из больших залов Казани собрались студенты, рабочие, молодежь города, чтобы отметить день рождения Владимира Ильича Ленина. Молодой татарский поэт Хади Такташ читал на этом торжественном вечере свою новую поэму «Века и минуты». Поэма была встречена восторженно. И не потому, что выступал один из самых популярных в республике поэтов, стихи которого — страстные, полные протеста против старого мира — всегда находили живой отклик в сердцах его читателей. В «Веках и минутах» были выражены те самые чувства, которые держали в накале собравшихся, — безграничная любовь к Ленину, глубокая скорбь утраты и готовность бороться за победу великих ленинских идей.

«Века и минуты» были написаны задолго до появления в печати «Владимира Ильича Ленина» Маяковского. Конечно, произведение молодого Такташа, который тогда еще только выходил на широкую поэтическую дорогу, нельзя приравнивать к поэме Маяковского. Но примечательно, что у поэтов, писавших на разных языках, живших в разных концах страны, — и тут неизбежно вспоминается еще армянский поэт Египсе, Чаренц, — оказалось много общего в замысле и решении поэм о Ленине.

Поэма Такташа и сегодня остается в татарской литературе лучшим произведением о Ленине, произведением, утверждающим бессмертие величайшего на земле человека. С первых же ее строк автор вводит нас в стремительное движение времени, в котором главное — это торжество «наших дней» перед прошедшими тысячелетиями.

Р. ФАЙЗОВА

Заря, пылая, выжгла темь ночную. Она торопит пламенные дни. Минута умерла, И умирают годы — Белобородые, седые деды, В прах Рассыпаются они.

Поэт предвидит тот день, когда «история годовых тысячелетий покорою склонит голову свою и скажет: «Октябрь исполнилось полвека!»

Вместе с тем мы чувствуем сначала едва ощутимую, потом нарастающую тревогу, и вот наступает минута, убившая Человека, «которого века породили». Слово смерти, проносилось по стране слова «Умер Ленин...», они окутывают весь земной шар. И нет предела людской скорби. Но это мужественная скорбь.

На первый взгляд поэма кажется фрагментарной. В ней быстро меняются картины, события переносятся на одной страны в другую. Но именно такое композиционное решение и дает возможность поэту передать чувство единства всего трудового народа на земле перед постигшим его горем. Вот склонился над станком русский рабочий, он плачет, но не уходит с поста. Идут тысячи шахтеров Рура, и над ними высится портрет Ленина. Во Франции, Испании, Дании, всюду слышится: «Не умер Ленин! Ленин жив навеки!»

«Века и минуты» — произведение, проникнутое и великой болью, и глубоким оптимизмом. Не стало Ленина, но есть партия, созданная им. Советский народ, верный заветам любимого вождя, спланивается еще теснее в своем могучем единстве. Введя в поэму образ рабочего Ивана, Такташ подчеркивает главную в

этом единении роль русского пролетариата. Дважды, лишь на мгновение, и как бы символически, входил он в поэму, однако в первом, и во втором случае мы видим за Ивановым непоколебимые ряды русского рабочего класса. Первым подает заявление о приеме в РПН Иванов, и за ним следуют миллионы... Нет, не остановите движения истории!

Москва. Вот «Коминтерн» сигнал дает. Во мле ночной Часы идут к кроваво-алому восходу. Сквозь кровь последнюю Проходит шар земной И мчится влево — В сторону Свободы!

Поэма «Века и минуты» была новой ступенью на творческом пути Хади Такташа. А путь этот был сложен.

Каин восстал против неба. Не только в защиту своей любви восстал он. На земле царствуют мрак, голод. На земле — горе, слезы. А небо глухо и молбам страждущих людей. И Каин, встретивший родную себе мятежную душу — Гавриила (Люцифера) и веломый им, бросает вызов аллаху. Он гибнет, но не гибнет не как раб, а как освободившийся от небесных пут Сын земли. И это отнюдь не было подражанием юного романтика Байруна. У Такташа своя интерпретация ветхозаветной легенды, но одно роднит его трагедию с «Каином» — это неуемный, страстный дух свободы, борьбы против несправедливости. Это — извержение известных установ.

Обращение Хади Такташа к богорборческой теме в его трагедии «Сыновья земли» не было случайным. Юные годы поэта прошли в душевной лавке торговца в Бухаре. Старая Бухара еще продолжала оставаться средоточием средневекового ислама в России. Но шла первая мировая война, и ее отзвуки не могли не пойти и до

этого далекого города, куда еще мальчишкой в поисках заработка приехал из татарской деревни Хади Такташ. Затхлый мир торашей, ложь, обман пробудили в нем глубокую ненависть к «хозяевам» земли.

Революция в октябре 1917 года всколыхнула весь мир. Началось сильное брожение и в Туркестане, но юному Такташу трудно было понять сложность развития революционных сил в странах Азии. Он жаждет бури, которая в один миг сметет старую жизнь, и с отчаянием выывает: «Где свет революции, где счастье свободы? Здесь, в пустыне, тишина, здесь властвуют ислам и мрак».

Протест против ислама, впервые высказанный в стихотворении «В пустынях Туркестана», затем все нарастает в творчестве Такташа. С именем аллаха на устах обманывают вокруг него народ. С именем аллаха угнетают, убивают людей. И неависть ко всему, что господствовал ислам, выливается в произведениях первых лет творчества Такташа в буйное отрицание власти неба над землей. Наиболее выражение мятежного духа, богоборчества у Такташа мы находим в его трагедии «Сыновья земли».

Бунтарство еще долго владеет чувствами молодого поэта. Он с какой-то стихийной силой обрушивается на мир сытых. Но в отдельных его стихотворениях к мятежному настроению примешиваются и нотки отчаяния. Само отрицание старого мира принимает в них отчаянный характер.

Конечно, решающую роль тут играла ограниченность мировоззрения молодого Такташа. Но напарно в исследованиях о Такташе этот период его творчества рассматривается как сугубо индивидуалистический. Бесспорно, что черты индивидуализма были тогда присущи Такташу. Однако в его бунтарстве не было желания ни обособиться, ни противопоставить себя обществу. Вступая в единоборство с враждебными силами, поэт говорил о себе, что он «какой бунтарь, взволнованный холатаи угнетенного, темного народа». И мно-

гие стихи Такташа той поры характерны верой в силу рабочего человека.

Природа! Не враждуй со мной, дружи! Искусство, я творец твой. Мне служи! Земля, преобруж тебя в рай, Пустыни покорою, тебя жеги! Так говорит рабочий молодой,

— писал он в стихотворении «Строить», опубликованном в 1922 году в татарской газете «Рабочий».

Такташ всей душой приемлет революцию, и всей душой он ненавидит собственничество, мешающее, поповство, отравлявшие его юность. Не потому ли поражает нас в его стихах взрывная сила ненависти?

«О паразиты! Я бунтую против вас, И страшные огни я зажигаю. Стою на отгнившей горе И бога вашего И мир ваш я вергаю В пылающие великого огня. Бог на земле — лишь труд!»

Но действительно звал поэта спуститься с «огнедышащей горы» на землю, где рабочий, во имя счастья которого он бросил вызов и богу и золотым дворцам, создал новый мир. И в стихах 1923 года, переломного года в его творчестве, Такташ все чаще обращается к реалистическим образам. Само участие Такташа — и активное участие — в борьбе против реакционных, националистически настроенных писателей, оживившихся с приходом нэпа, определяет дальнейшее развитие его творчества. Бок о бок с другими передовыми представителями татарской литературы Такташ не устает разоблачать порочные теории буржуазных националистов о «единстве нации», о «чистом искусстве», срывает маски с тех, кто ублажает вкусы «наймазов — базарных королей». В 1923 году появляется его стихотворение «Нота» — гневный отклик на убийство В. Воровского. Здесь уже резко становится решающий вопрос, определяющий сущность борьбы тех лет: «кто — кого?»

Так вошла в творчество Такташа тема борьбы двух миров, раскрывшаяся затем в поэме «Века и минуты» и ясно наметившая его идейную позицию в литературе.

Пора сложного внутреннего бореания была для Хади Такташа и порой поисков форм для воплощения тех чувств и мыслей, которые порождала жизнь. Такташ первым ввел в татарскую поэзию свободный интонационный стих. Большую роль в становлении поэтики Такташа, несомненно, сыграл Маяковский. Знакомство с произведениями великого современника помогло молодому поэту найти новую в татарской литературе форму стиха. Именно найти, ибо Такташ был далек от подражания Маяковскому, он творчески, в своем национальном предромлении, воспринял его поэзию. Новаторство Такташа обогатило татарский стих, дало ему широкое и более мужественное звучание, отражающее пафос революционной эпохи. Новая свободная ритмика, декламационность, разговорная интонация, наконец, сам образный строй поэтики Такташа — все было необычным. Традиционные и традиционно выражавшиеся в восточной поэзии образы приняли у поэта совершенно иной, подчеркнутый «земной», реалистический характер.

А месяц в небе ходит и бранится. Как только ветер ночью спать уйдет. Ведь месяц-то остался нежеланным.

Он одинок, С кем ночь он проведет?

Поэты Востока приучили читателей к сладкому, грустному голосу соловья. А у Такташа:

Розовелым запевалой Соловей в ветвях расселся.

Характерно, что насколько враждебно относились буржуазные националисты к «такташевскому» стиху, пытаясь объявить поэта в русификаторстве исконной татарской стихотворной формы, в признании истинной поэзии, настолько же горячо и с признательностью принимали его творчество и поэтическая молодежь, и (Омолчанье на 4-й стр.)

503073